

А.И. Изотов. Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским / Česká a ruská výzva jako funkčně sémantická kategorie. Brno: L. Marek, 2005. (Pontes Pragenses, № 37). 274 с.

Монография А.И. Изотова посвящена описанию фактов чешского языка, так или иначе связанных со значением повеления, императивности в различных значениях этого термина. Мы не случайно используем такую расплывчатую формулировку. Обычно под «императивом», «императивностью» понимаются либо, в узком смысле, специализированные глагольные формы и конструкции, предназначенные для выражения повеления (как бы конкретный автор ни определял границы императивной парадигмы в данном языке), либо, в широком смысле, все побудительные высказывания независимо от того, содержат ли они императивные формы глагола; при последнем понимании фразы типа *Не могли бы Вы передать мне соль?* также попадут в поле зрения исследователя. И в том, и в другом случае «императив» – это то, что выражает повеление.

Содержание рецензируемой работы, однако, шире, чем можно предположить по ее названию. Помимо способов выражения повеления, в ней рассматриваются и способы описания повеления, то есть глаголы (и производные от них имена), выражающие повеление, такие, как русские *приказать, попросить, посоветовать* и т.д. и их чешские аналоги. Первая из четырех глав книги (занимающая, однако, существенно больше четверти общего объема) посвящена именно им; иными словами – в более общепринятой, на наш взгляд, терминологии – в этой главе описывается семантическая группа чешских лексем со значением повеления в сравнении с аналогичными русскими глаголами.

Приступая к описанию указанной группы лексем, автор оказывается перед необходимостью их как-то классифицировать. Очевидно,

что среди существительных *приказ, просьба, мольба, инструкция, предостережение, совет* и др. и соответствующих глаголов одни ближе друг к другу по значению, другие дальше. Эта проблема хорошо известна применительно к побудительным высказываниям, и для различных языков ее пытались решить неоднократно, выделяя «приказы», «просьбы», «советы» и др. самыми различными способами (см., например, краткие обзоры [Davies 1986: 35–38] для английского языка, [Храковский, Володин 1986: 133–136] для русского и другие работы). В.С. Храковский и А.П. Володин называют эти разновидности побудительности «частными семантическими интерпретациями императивного значения» [Там же: 133–146], а автор рецензируемой книги – «иллокутивными интерпретациями побудительного высказывания» (с. 24 и сл.). Предложить разумную классификацию этих «иллокутивных интерпретаций» до сих пор никому, насколько нам известно, не удавалось. В.С. Храковский и А.П. Володин в указанной работе показали, что и сама задача такой классификации с грамматической точки зрения не имеет смысла: если в языке нет грамматических показателей приказа, просьбы и т. д., то высказываниям с императивными формами глагола могут быть приписаны многие, если не любые из таких «частных семантических интерпретаций»³.

Однако в данном случае речь идет о классификации не побудительных высказываний, но группы лексем, и задача эта выглядит вполне осмысленной: очевидно, что лексемы *мольба, молить* ближе по значению к *просьба, просить*, чем к *приказ, приказывать*. Специально подчеркивая, что ни четких границ между частными семантическими подтипами значения повеления, ни однозначных соответствий между такими подтипами в разных языках (даже в достаточно близких, как чешский и русский) не существует, автор все же полагает, что выделение «основных социально значимых семантических интерпретаций побудительных высказываний» возможно, и в чешском и в русском языках эти основные интерпретации принципиально соотносимы. Исходя из этого и опираясь на некоторые из более ранних работ (В.С. Храковского и Л.А. Бирюлина, М. Грелла и П. Карлика, А.Н. Бара-

нова), автор предлагает следующую их классификацию (с. 34):

– «подтипы побуждения, маркированные по признаку *индикация высокой степени вероятности каузируемого действия*»: *приказ, запрет, разрешение, инструкция* (мы опускаем чешские аналоги русских лексем);

– «подтипы побуждения, маркированные по признаку *индикация высокой степени мотивированности каузируемого действия*»: *просьба, требование*;

– «подтипы побуждения, маркированные по признаку *индикация полезности для Агенса каузируемого действия/воздержания от действия*»: *совет, предостережение*;

– «подтипы побуждения, не маркированные ни по одному из названных выше признаков»: *предостережение, призыв*.

Если мы правильно поняли мысль автора (к сожалению, весьма затемненную непривычной терминологией), то предлагаемая им классификация основана на том, какие у исполнителя есть основания подчиниться воле говорящего (точнее – «прескриптора») и выполнить искомое действие: а) говорящий обладает определенной властью; б) искомое действие нужно для говорящего (и исполнителю предлагается ему помочь); в) искомое действие нужно для самого исполнителя; г) все остальные случаи.

Принципиальных возражений против этой классификации, вроде бы, нет; с другой стороны, не вполне ясно, почему нельзя, например, противопоставить подтип а) подтипам б) и в) вместе («исполнитель просто подчиняется власти говорящего vs. руководствуется какими-то рациональными соображениями») и нельзя ли как-то расклассифицировать «прочие случаи». Можно сделать также как минимум одно частное замечание. Инструкцию, следовало бы, на наш взгляд, отнести скорее к третьему, чем к первому пункту, что следует из приводимого объяснения (с. 37): «...предполагается, что Агенс не собирается отравиться, сжечь телевизор или компьютер, заблудиться в чужом городе и т.д., а поэтому будет неукоснительно выполнять то, что написано в поваренной книге, в технической документации, в путеводителе...». Как кажется, «полезность для Агенса каузируемого действия/воздержания от действия» здесь налицо.

Не исключено, однако, что следовало бы вообще отказаться от попыток разбить эту группу близких по значению лексем (и в чешском, и в русском, и в других языках) на непересекающиеся классы и описывать ее скорее как синонимический ряд, пользуясь уже разработанным аппаратом (см. [Апресян и др. 1995] и вышедшие к настоящему времени выпуски

³ Языки, в которых грамматикализованы те или иные частные семантические интерпретации императива, по-видимому, существуют, хотя их немного; так, например, в манипури [Bhat, Ningomba 1997: 332–336] и в фула [Arnott 1970: 252] грамматически противопоставлены *приказы* и *просьбы*.

Нового объяснительного словаря синонимов русского языка). Есть опыт описания и иноязычных синонимических рядов (известный «Англо-русский синонимический словарь», см. [Апресян 1979/1995]). Кажется, что такое описание могло бы дать более убедительные результаты.

Далее в порядке, основанном на предложенной классификации, в монографии рассматривается употребление чешских лексем в сравнении с их русскими аналогами. Самый распространенный тип примеров – это прямая речь, сопровождаемая рассматриваемым глаголом в качестве «интерпретирующего предиката», например:

– *Dej mi něco jíst, – poručil nakvašeně.*

«Дай мне что-нибудь поесть», – сказал [букв. приказал] он кисло.

Есть, однако, примеры и других типов, в частности, с соответствующими существительными (типа *příkaz [z] ministerstva – распорядение министерства*) и др.

Для наиболее распространенных подтипов побуждения приводятся графики, иллюстрирующие частотность употребления соответствующих глаголов в различных типах конструкций чешского языка. Отметим, что в большинстве случаев эти графики очень похожи: ср., например, с. 58 для «авторитарного побуждения» (приказ, запрет и под.), с. 73 для побуждения с «индикацией высокой степени мотивированности каузируемого действия» (просьба, требование), первый график на с. 82 (совет, рекомендация), – что подтверждает высказанное выше мнение об отсутствии формальных различий между этими подтипами побуждения. Заметим также, что график для «предостережения, предупреждения», объединяемых в один подтип с советом и рекомендацией, напротив, имеет совершенно особую форму.

Главы 2, 3 и 4 посвящены собственно императивным конструкциям – соответственно, 2-го лица, 1-го лица множественного числа и 3-го лица. Следуя все более распространяющейся в последнее время точке зрения (к которой в полной степени присоединяемся и мы), автор рецензируемой монографии считает императив возможным в любом лице. Эти главы построены по единой схеме, поэтому кажется целесообразным рассматривать их вместе.

Прежде всего в каждой главе рассматриваются примеры с соответствующими синтетическими императивными формами глагола (для 2-го лица и 1-го лица множественного числа) и конструкции с частицами *ať/nustь* (для 3-го лица). Потом следуют менее распространенные конструкции и косвенные императивы

(типа *Вы не хотите поговорить с директором?* и т.д.). Для синтетических императивных форм дается количество их употреблений для наиболее частотных глаголов по Чешскому национальному корпусу (510 глаголов для 2-го лица ед.ч., 870 – для 2-го лица мн.ч., 209 – для 1-го лица мн.ч.). Для отдельных форм и конструкций – также по корпусу – дается их частотность для разных жанров; так, оказывается, что формы 2-го лица ед.ч. более употребительны в беллетристике (поскольку корпус устных текстов, по-видимому, не привлекался), а формы 2-го лица мн.ч. – напротив, в специальной литературе (с. 100–101; не вполне ясно, что имеется в виду; вероятно, речь идет о инструкциях и кулинарных рецептах?).

Для типолога, несомненно, интересно тщательное и аккуратное описание специфических для чешского языка конструкций и употреблений, как, например, конструкции с глаголами *jít* 'идти', *bežet* 'бежать' и др. (например, конструкции типа «идите сдавать», «бегите сказать», которые означают, соответственно, просто «сдавайте» и «скажите», см. с. 101–113), употребление 1-го лица ед.ч. для категорической (прежде всего воинской) команды (с. 140–141) и другие. Подобные факты зачастую считаются слишком «мелкими» для больших грамматик и соответственно остаются неизвестными, хотя они способны подтвердить или подвергнуть сомнению те или иные типологические обобщения. Так, например, упомянутые выше конструкции с глаголами *jít* и *bežet* хорошо вписываются в общую закономерность использования глаголов движения для передачи императивного значения.

Резюмируя, отметим, что перед нами подробное и, насколько мы можем судить, редкое по своей тщательности исследование императивных конструкций чешского языка. Ценность подобных описаний для теории и типологии императива прямо пропорциональна их редкости.

В книге содержится немало тонких замечаний и предложений по общим проблемам теории императива. Отметим положение о «факкультативности кореферентности Говорящего и Прескриптора» (с. 20), иными словами, о том, что «импульс каузации», пользуясь термином В.С. Храковского и А.П. Володина, может исходить и не только от говорящего. Это позволяет считать императивными высказывания типа *Господин директор просит Вас еще немного подождать*; несомненна оправданность этого положения для языков с развитыми системами эвиденциальности, которые имеют специальные формы для императива, передаваемого с чужих слов (самый известный пример такого языка – болгарский).

Отметим также на с. 43 замечание о том, что авторитет Прескриптора должен быть достаточно велик не только для самого исполнителя, но и для всех, кого так или иначе затрагивает искомое действие. В подтверждение его приводится всем известный, но ранее в этой связи не рассматривавшийся пример: «когда в поэме М.Ю. Лермонтова "Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова" православный царь "велит" братьям осужденного "по всему царству русскому широкому торговать безданно, беспошлинно", его повеление касается не только того, кто будет торговать, но и того (и прежде всего того!), кто может попытаться пошлину взыскивать». Это удачный и выразительный пример, иллюстрирующий важное теоретическое положение, которое обычно недостаточно акцентируется: в некоторых случаях при повелении каузируется не действие агенса, а ситуация целиком, включая возможных «контрагентов».

В заключение отметим некоторые достоинства и недостатки в построении монографии.

Достойным восхищения кажется подбор примеров. Все они взяты из произведений чешской и русской литературы, современной и классической; переводы также привлекались классические для тех книг, где они существуют (так, цитаты из «Похождений храброго солдата Швейка» даются в переводе П. Богатырева). Своим основным источником фактического материала для чешского языка автор называет Чешский национальный корпус, подготовленный в Карловом университете в Праге и доступный в интернете по адресу <http://ucpnk.ff.cuni.cz>. В книге в изобилии представлены данные о частотности тех или иных форм или конструкций, не в последнюю очередь (хотя не исключительно) благодаря компьютерным возможностям указанного корпуса.

Насколько мы смогли понять, в книге не учитывались корпуса устных текстов, также являющиеся частью Чешского национального корпуса, по-видимому, потому, что во время работы над книгой они еще не были доступны. В любом случае, это достойно сожаления, поскольку императив, очевидным образом, по преимуществу диалогическая категория, и в разговорной речи закономерности употребления тех или иных форм, возможно, отличались бы от их употребления в письменных текстах.

Существенно меньше статистических подсчетов приводится для русского языка, что объясняется отсутствием во время написания книги компьютерного корпуса для русского языка, чьи возможности были бы аналогичны чешскому.

К числу недостатков следует отнести нетрадиционную и, если можно так выразиться, крайне «тяжеловесную» терминологию. Так, через всю книгу проходят восемь типов конструкций: 1) базовые типы иллокутивно универсального побуждения; 2) базовые типы иллокутивно специализированного побуждения; 3) периферийные типы иллокутивно универсального побуждения; 4) периферийные типы иллокутивно специализированного побуждения; 5) побуждение через тематизацию действия; 6) побуждение через тематизацию необходимости или возможности действия; 7) побуждение через тематизацию волеизъявления; 8) иные способы побуждения (с. 23–24). Встречая новый термин, читатель вправе ожидать, что он будет введен и объяснен на достаточном количестве примеров; однако здесь этого не происходит, и понять, что имеется в виду, очень сложно. Боясь ошибиться, мы все же рискуем перевести эти термины на более привычный язык: речь здесь идет о высказываниях, содержащих, соответственно: 1) специализированные императивные формы и конструкции (*иди, идемте, пусть он идет* и т.д.); 2) конструкции с вводными глаголами типа *я приказываю/требую/рекомендую/прошу* и т.д., *чтобы ты ушел*; 3) более специфические императивные конструкции типа русских *давай иди, смотри не упади* и т.д.; 4) формы и конструкции, употребляющиеся, в отличие от пункта 3, только в некоторых «иллокутивных интерпретациях» императива, как, например, инфинитив, и в русском, и в чешском языке передающий категорическое повеление (*встать!*); 5) конструкции с настоящим и будущим временем, сослагательным наклонением и другими не-императивными формами в функции императива (*ты сейчас уйдешь!*); 6) фразы с модальными глаголами типа *можешь идти* или *ты должен идти*; 7) фразы с глаголом *хотеть* типа *я хочу, чтобы ты ушел*; 8) другое.

Второй недостаток – это в ряде случаев отсутствие переводов при чешских лексемах и фразах. Так, в упоминавшихся выше списках глаголов с указанием их частотности в тех или иных формах императива глаголы даются без переводов, что, естественно, существенно затрудняет использование книги, рассчитанной все же на русскоязычного читателя. Отсутствуют переводы и при некоторых примерах, особенно сопровождающих графики.

Перечисленные недостатки, в определенной степени затрудняя чтение книги, не умаляют ее содержательных достоинств. О ее ценности для типологии и теории императива уже было сказано. По-видимому, не в меньшей степени ее результаты будут востребованы и в бо-

гемистике, и в прикладных областях, таких, как преподавание чешского языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Апресян 1979/1995 – Английские синонимы и синонимический словарь // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995 (первая публикация – в качестве послесловия к «Англо-русскому синонимическому словарю», М., 1979).

Апресян и др. 1995 – Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон. Новый объяснительный словарь синони-

мов русского языка. Проспект / Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. М., 1995.

Храковский, Володин 1986 – В.С. Храковский, А.П. Володин. Семантика и типология императива: Русский императив. Л., 1986.

Arnott 1970 – D.W. Arnott. The nominal and verbal systems of Fula. Oxford, 1970.

Bhat, Ningomba 1997 – D.N.S. Bhat, M.S. Ningomba. Manipuri grammar. München, 1997.

Davies 1986 – E. Davies. The English imperative. London et. al., 1986.

В.Ю. Гусев